

БОНДАРЧУК Н. С., КУЗНЕЦОВА Р. Д.

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XI—XVII вв.» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Публикация словарей любого типа — всегда событие, так как они являются стимулом для теоретической разработки языковых проблем. Русская лексикография последних лет пополнилась многочисленными специализированными словарями, среди которых особое место занимают вышедшие 10 выпусков Словаря русского языка XI—XVII вв. (вып. 1—6, М., 1975—1979 гг., гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова; вып. 7—10, М., 1980—1983 гг., гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова).

Трудно переоценить актуальность Словаря для развития отечественной филологии и истории русской культуры в целом; уже сейчас очевидно, что это вклад в историческую лексикологию и лексикографию.

Десять лет прошло с момента выхода первого выпуска словаря. За этот период опубликовано около двадцати рецензий у нас в стране и за рубежом. В этих рецензиях и одобрение работы авторского коллектива, и пожелания в отношении последующих выпусков, и критический анализ лексического состава словаря, разработки словарных статей, круга источников, охваченных словарем, и т. д.

Однако среди зарубежных рецензий на СлРЯ XI—XVII вв. выделяется группа отзывов, носящих явно тенденциозный характер. Социальная заданность этих выступлений отмечена Р. Р. Гельгардтом в подробном обзоре журнала *Russian Linguistics* [1]. Некоторые рецензии о словаре дезориентируют зарубежных читателей о состоянии науки о русском языке в СССР [см. 2—6]. Все они объединены общей установкой — исказить историческую перспективу развития восточнославянских языков, фальсифицируя факты истории русского языка. Это отражается в отрицании единства древнерусского языка, в стремлении оторгнуть русскую письменную традицию от истории русского языка и т. д. Коснемся лишь одного аспекта зарубежной концепции истории русского языка, выраженной вполне определенно: несогласие с названием Словарь русского языка XI—XVII вв. (разрядка наша. — Б. Н., К. Р.).

Неприятие термина «русский язык» в отмеченных рецензиях связано со стремлением поставить под сомнение существование русской письменной традиции, идущей от X—XI вв., преуменьшить значение для истории русского языка древнейших, а заодно и многих поздних памятников, вплоть до памятников XVII в.

Советские и большинство зарубежных филологов-русистов воспринимают название «Словарь русского языка XI—XVII вв.» как исторически обусловленное отражение традиций, сложившихся в русской истории, культуре и письменности. Использование термина «русский язык» в названии СлРЯ XI—XVII вв. опирается и на факт самосознания предков современных русских, украинцев и белорусов, живших в XI—XIII вв., а также на непрерывность языкового употребления слова *русский* в письменных памятниках в применении сначала к Древней Руси, затем к Руси Северо-Восточной и Московской. Можно даже не обращаться к Слову о полку Игореве и летописям (кстати, отметим, что словоупотребление в этих памятниках рецензенты без всякого основания относят ко времени создания списков этих памятников), а отметить употребление прилагательного *русский* и сочетания *Русская земля* в Изборнике 1076 г. и Успенском сборнике XII—XIII вв.

Именно поэтому термин «русский» не ущемляет национальных интересов ни украинцев, ни белорусов, в чем пытаются убедить читателей рецензенты словаря, так как «Русь XI—XIII вв.— это еще не Россия, а русские X—XIII вв.— это восточные славяне в целом, предки современных русских, украинцев и белорусов — трех братских народов» [7].

Слово *русский* на протяжении своей жизни в языке меняло объем своего значения, но историческое тождество слова при этом сохранялось. Это убедительно показано в СлРЯ XI—XVII вв.

Составители Словаря сумели в потоке пожеланий и замечаний учесть лексикографически рациональные предложения, внесенные рецензентами СлРЯ XI—XVII вв., и продолжить издание следующих выпусков (вып. 7—10), совершенствуя в самом процессе работу над словарными статьями. Более того, как известно из публикаций, при СлРЯ XI—XVII вв. создается фонд Дополнений к словарю, в котором могут быть учтены и поправки, и предложения рецензентов, и новые исследования, и публикации источников.

Совершенно очевидно, что СлРЯ XI—XVII вв., определенный как «общедоступное справочное пособие при чтении древнерусских текстов разных жанров (летописей, грамот, частной переписки, сводов законов, житийной литературы и т. д.)» [8], вышел за эти рамки и имеет прежде всего большое научное значение, так как представляет уникальное по широте хронологического среза собрание слов, их всестороннюю глубокую обработку и является важным источником изучения истории русского языка. Поэтому с момента выхода словаря его материалы широко используются в работах по истории словарного состава и грамматических форм русского языка, развитию семантики слов, словообразованию и даже по историческому синтаксису [см. 9—11].

Имеющийся научный опыт изучения материалов СлРЯ XI—XVII вв. позволяет оценить его богатую информацию и одновременно выделить круг наиболее актуальных вопросов, которые возникают в связи с использованием этих материалов при разработке различных проблем истории языка.

2. СлРЯ XI—XVII вв.— это диахронический общелингвистический словарь толково-переводного типа, словарь исторического жанра. Он концентрирует огромную массу слов, их значений, грамматических форм, словосочетаний и т. п., охватывающих семь столетий истории и развития русского языка — от древнекиевского периода до начала формирования норм языка русской нации. В лексическом корпусе Словаря представлено литературное и нелитературное, общеупотребительное и ограниченное в употреблении (локально, социально и т. д.), активно функционирующее и отмирающее, «свое» и «чужое», стилистически коннотативное и неконнотативное и т. п. Лексико-фразеологическое богатство словаря получило всестороннее описание, соответствующее современному уровню теоретического исследования словарного состава и практике его анализа. Диахроническое описание создает жанровую специфику исторического словаря, в котором рассматривается динамика элементов системы языка на всех его уровнях, начиная от фонетического и кончая синтаксическим (сочетаемость).

Известно, что при создании словаря его составители не только опираются в качестве методологической основы на достижения теоретических разработок в области языка, но и сами вносят вклад в решение многих теоретических проблем.

В словарях исторического жанра все эти проблемы приобретают специфический характер. Например, недостаточно выявить лексическое значение слова, определить его лексико-семантические варианты (ЛСВ), важно еще и решить вопрос подачи ЛСВ в историческом словаре: принять ли генетический (т. е. исторический) порядок или придерживаться логического (систематизирующего) порядка подачи значений, не вступающего в противоречия с историей слова (см. об этом [12]).

Нет необходимости рассматривать уже поставленные авторами Словаря задачи и принятые оптимальные пути их решения. Все они так или

иначе концентрируются в словарной статье — микромире, в котором раскрывается история слова. Словарная статья в СлРЯ XI—XVII вв. дает 1) фонетическую (фономорфологическую, орфографическую), 2) грамматическую, 3) семантическую, 4) синтаксическую, 5) культурно-историческую информацию о слове.

3. Остро дискуссионна и актуальна для исторической лексикографии проблема исторического развития слова и средств ее отражения в словарной статье, что относится, в первую очередь, к типу дефиниций, составу документирующей части и характеру заголовочной строки. Проблема уже сама подача заголовочного слова. В частности, как избежать ложного представления о равноценности вариантных форм? Конечно, при пользовании Словарем надо иметь в виду некоторую условность его приемов, связанных со спецификой Словаря, охватывающего большой исторический период. Остановимся на двух примерах. Так, в заголовке словарной статьи приведены формы *камень* и *камы*, м.; *камни*, *каменья*, мн. (вып. 7, с. 45). По-видимому, кроме различия в жанрово-стилистической коннотации, им присуща и неодинаковая интенсивность функционирования во времени. К сожалению, концентрирующая особенность Словаря и линейность средств его выражения все как бы уравнивают. Второй пример: *комната* (*комбата*, *комлата*, *конбната*, *кондата*, *конмата*) — вып. 7, с. 264. Форма *комната* и ее варианты в значении «комната» иллюстрируются цитатами XVII в. Но следует ли в связи с этим делать вывод о функциональной равнозначности вариантов в языке XVII в.? В иллюстративном материале к слову представлена дополнительная информация, позволяющая локализовать варианты *комбата*, *комлата* и другие в качестве периферийных и косвенно прийти к выводу о формировании национальной нормы (вариант *комната*) на среднерусской территории. Но в некоторых случаях подобные выводы могут быть провизорными, так как им не всегда хватает подтверждений географического и статистического порядка. Естественно, что нельзя «объять необъятного» и предъявить к СлРЯ XI—XVII вв. безмерные требования. Но, учитывая, что СлРЯ XI—XVII вв. опирается на Картоотеку ДРС, в которую сейчас входит почти 1900 названий изданных и рукописных собраний (каждое из последних включает нередко десятки и сотни документов), и что она постоянно пополняется, хотелось бы видеть выражение ее данных в словарной статье в лингвогеографическом плане более последовательным. Надо отметить, что в последних выпусках в этом направлении авторским коллективом предпринимаются известные усилия [см. 13]. По-видимому, составителям следует шире привлекать и исследователей, располагающих региональным историческим материалом XVI—XVII вв. Косвенные свидетельства в пространственном ориентировании слова могут и должны внести также словари старобелорусской и староукраинской письменности, материалы которых важны не только в позитивном (наличие языковых соответствий), но и в негативном плане (отсутствие таких соответствий).

Проблема заголовочного слова особенно остро встает при описании служебных слов. В СлРЯ XI—XVII вв. вопрос о границах вариативности, например, предлогов и союзов решается с привлечением синтаксических характеристик, корректирующих функционирование этого разряда слов в предложении.

Положительное впечатление производят в этом плане словарные статьи по предлогам и характер содержащейся в них информации. Так, предлоги *дѣля*, *для*, *къ* и другие характеризуются с точки зрения основных значений и функционирования с разными падежами. Различия в лексической сочетаемости с существительными и в грамматических свойствах (управление винительным и родительным падежами у предлога *дѣля* и родительным у предлога *для*) определили оправданное освещение предлогов в разных словарных статьях. И, что особенно важно, во всех словарных статьях о предлогах наряду с экспликацией основных значений и употреблений содержатся те промежуточные употребления, которые делают эти статьи особенно интересными для исследователя.

В этом отношении словарная статья предлога *къ* (*ко*) является образцом разработки сложной семантической структуры и условий функционирования слова, одновременно раскрывая характер последовательного семантического его развития.

Составители словаря распределяют описываемую лексику по трем группам и соответственно намечают три типа ее толкования. При определении значений слов, именующих реалии отошедшего в прошлое мира, уточнение дефиниций достигается выходом в сферу экстралингвистики. С одной стороны, продумывается подбор и сегментирование цитат, выполняющих в словарях исторического типа тот изгоняемый из словарей современного русского языка «энциклопедизм», без которого немислимо представление об эпохе, идеологии, состоянии техники, профессиональном труде, духовной культуре, быте и т. д. отдаленного исторического прошлого. Выход в сферу «слова и вещи» достигается также использованием лексической сочетаемости слов. Так, в словосочетаниях с опорным словом *мастер* (в значении «мастер») приводится более 40 согласованных определений (*бахромный, бочечный, водопроводный, городской, езовый, замочный, зелейный* и т. д.). Кроме того, *мастер бархатного, гончарного, дверного, дощатого, золотного* и т. д. *дел* (вып. 9, с. 36—37). Составители учитывают разнообразные тематические связи слова и дают представление о профессиональной ситуации XVII в.

Словосочетание как средство раскрытия «лексического фона» слова, «мира вещей», связанных со словом, последовательно используется составителями при толковании значений слов предметно-конкретной и «специальной» (терминологической) семантики. Например: *жемчуг скатный; жемчуг бурминский, гурмызский* и т. п. (вып. 5, с. 87). Бесспорно, что составители словаря используют все имеющиеся в настоящее время данные русской исторической лексикологии и лексикографии. Вместе с тем именно СлРЯ XI—XVII вв. должен стать центром, организующим и координирующим местную региональную историческую лексикологию и лексикографию, что пополнит его материалы прежде всего региональными данными. Так, свидетельства тверской письменности начала XVII в. расширяют экстралингвистический фон, например, таких слов, как *жемчуг* и *камка*: *Жемчуг кафимский* или *Камка немецкая* (Выпись из Тверской писцовой книги 1626 г. — Калининский областной архив).

Специфично и дефинирование слов, продолжающих свою жизнь в современном русском языке, так как наряду со словами, сохранившими в процессе развития объем своего значения (см., например, слова *алмаз, вепикъ, дождь, ливеница* и др.), выделяются разнообразные группы слов, меняющих исторически свою семантику. С осторожностью и тщательностью подходят составители Словаря к дефинированию слов, в процессе жизни которых может иметь место расширение или сужение сферы понятий, связанных с ними в период XI—XVII вв. При этом учитываются возникающие трудности: определение должно быть одновременно историчным и связанным с современным кругом понятий. Так, например, нельзя безоговорочно применить современный эквивалент к толкованию слова *зеркало*, так как *зеркало* как именуемая реалья в древности существенно отличалось от современного. Поэтому дефиниция имеет в СлРЯ XI—XVII вв. следующий вид: «Отшлифованная отражающая поверхность стекла, металла; зеркало» (вып. 5, с. 383).

Каждая словарная статья — это маленькое исследование по истории отдельного слова, в котором составитель призван решать сложные проблемы установления значения слова, его структуры, разграничения значений слова и его оттенков и т. д., т. е. заниматься вопросами, не имеющими в лексикологии однозначного освещения.

Следует отметить, что типы значений слов многообразны, иногда составителям трудно уловить мотивы их вычленения, если исходить только из данного слова, данного контекста. В связи с этим при дефинировании слова ими учитывается не только контекстуальная характеристика слова, но и справедливо привлекается вся гамма значений корневой группы определяемого слова. Так, слова *коуц* и *коца* — «попона» определяются через

обращение к значениям однокорневых слов *кочъ* (*коуъ*) — «накидка, длинный плащ»; ср. польск. *kos* (вып. 7, с. 387). Сюда же, по-видимому, следует отнести и вариант *кеуъ* «попона» (вып. 7, с. 10).

Проблема дефинирования решается в Словаре разными путями. Составители опираются в ряде случаев на данные смежных наук, в частности — на диалектную лексикографию. При этом учитывается, что относительное, а тем более полное совпадение ареала слова в письменных памятниках и современных говорах дает основание для идентификации значения слова. Поэтому у слова *Мостокъ*, м. «Небольшой мост, мосток» (вып. 9, с. 276) допустима дополнительная дефиниция: А ободъ той землѣ... з березовой граници дрянъ к мостку, а отъ мостку дрянъ к Микитина сына межи (Гр. Новг. и Псков., XV в.). Учет общего содержания цитаты, лексической сочетаемости слова, лексико-семантического сопоставления с говорами позволяет выделить новое значение у слова. В псковских говорах *мосток* значит «гать» (СРНГ, вып. 13, с. 293), а слово *дрянъ* известно севернорусским говорам не только в значении «мусор, отбросы», но и «грязь» (СРНГ, вып. 8, с. 229. — Костром., вятск.). Отсюда слово *мостокъ* контекстуально может значить «настил через грязное, тошкое место», т. е. «гать» (?). Предлагаемое значение не бесспорно, но выделение его со знаком вопроса вполне допустимо. На толкование со знаком вопроса составители словаря имеют право. Такое толкование расширяет зону спорных дефиниций, что представляет несомненный интерес для исследователей-лексикологов. Этот прием стал широко использоваться составителями Словаря в последних выпусках (см. вып. 8—10).

Одной из наиболее сильных сторон СлРЯ XI—XVII вв. является его богатейший иллюстративный материал, представленный документированными текстами, благодаря которым Словарь является не только научным источником, но и интересной книгой для чтения.

Источниковедческая культура СлРЯ XI—XVII вв. выразилась не только в использовании громадного количества памятников, разнообразных по времени создания, жанрам и территории, но и в привлечении лучших, в том числе фототипических, изданий памятников, в обращении при необходимости к рукописным оригиналам. Особенно ценным представляется широкое использование как опубликованных, так и архивных деловых и бытовых скорописных текстов XVI—XVII вв., которые «с наибольшим приближением к действительности отражают былое состояние народно-разговорной речи» [14]. В СлРЯ XI—XVII вв. оперативно используются новейшие издания памятников древнерусской литературы, актов и делопроизводственных документов из центральных и местных архивов, берестяные грамоты (см. Дополнения к Указателю источников, помещенные в вып. 5 и 10 Словаря).

Жестко лимитированный объем словаря, к тому же охватывающего большой исторический период, создает значительные трудности для составителей в структурировании документирующей части словарной статьи. Ведь именно документирующая часть словарной статьи должна давать исследователю-читателю достаточный материал, дополняющий сжатую дефиницию конкретными деталями.

За последние годы Картотека ДРС существенно пополнилась новым лексическим фондом, поэтому естественно стремление составителей расширить ассортимент иллюстративного материала (и в последних выпусках опорные слова корневых групп даны с более подробными иллюстрациями). Но расширение иллюстративного материала в некоторых случаях приводит к неоправданной загруженности полезной площади словарной статьи в ущерб иной информации, более необходимой исследователю лексикологии, пользующемуся словарем. Есть ли смысл, например, повторять дважды на слова *мученикъ* и *мученица* одну и ту же цитату: Помяни гѣ стѣпникъ и стѣпницѣ пустынникъ и пустынницѣ мѣнкъ и мѣнцѣ... Синодик Ниж. Печ., 1552 г. (вып. 9, с. 318)? Кроме того, оба эти слова не требуют такого обилия оправдательных цитат, которые приводятся (*мученикъ* — 5, *мученица* — 4). Но в ряде случаев загруженность является мнимой. Так, при слове *калиновый* в значении «относящийся к калине

(кустарнику)», кроме примера *На калиновый куст* (1521 г.), даны еще две цитаты: *Настругал милой стружекъ/из калиновых стрелок. о(н) расклат из них огникъ на моих бѣлыхъ грудах. Песни Квашн., 927. XVII в.; Четыре постилы калиновые, вѣсу въ нихъ два пуда безъ походу, да соли 1 пудъ. Кн. посев. Мор., 9. 1662 г. (вып. 7, с. 36).* Приведенные цитаты к слову *калиновый* вряд ли информативны для установления границы слова, но могут быть оправданы стремлением составителей представить жанровое разнообразие контекстов и различную лексическую сочетаемость слова, что чрезвычайно ценно для исследователя. Однако есть статьи, в которых явно ощущается цитатный «голод». Слово *достоканъ* определяется как название ценного камня (вып. 4, с. 338). Приведенная дефиниция, хотя и носит характер толкования, дает самое общее представление об именуемой реалии. Для носителя современного русского языка вопрос о значении слова остается открытым. В данном случае необходимо привлечение максимального лингвистического текста, раскрывающего семантику слова. Цитаты на слово «не проясняют» ни семантики слова, ни признаков именуемой реалии. В то же время дополнительные тексты могли бы расширить сжатую дефиницию конкретными деталями, характеризующими реалию по цвету, форме, характеру обработки: *камень достоканъ лазорень грановитъ; камень достоканъ зеленъ* (Выпись из Тверской писцовой книги 1626 г.). Для раскрытия значения слова *достоканъ* важен культурный контекст. Расширение культурного контекста вовсе не значит, конечно, что словарь исторического типа должен превратиться в «этнологический» словарь, т. е. излагать всевозможные культурные тексты, в которых встречается слово [15].

Пример со словом *достоканъ* приведен из раннего выпуска словаря (вып. 4). Последующие выпуски стали полнее документировать слово. Так, например, в документирующей части статей на слова *Корчага* (*кѣрчага, кѣрчага*); *Корчажець* (*крѣчажець, кѣрчажсьць*); *Корчажка* (вып. 7, с. 347) приведены данные, которые характеризуют реалию со стороны материала (глина, железо, золото, серебро и т. д.), назначения (для воды, вина, меда, масла), формы (сосуд), что существенно дополняет дефиницию слова «Корчага, глиняный кувшин». См. также словарные статьи: *Кабакъ* (вып. 7, с. 6), *Мѣзга* и *Мязга* (вып. 9, с. 76), *Мельница* (вып. 9, с. 84), *Налѣтъ*, м. и *Налѣта*, ж. (вып. 10, с. 133) и др.

В целом же структура документирующей части словарной статьи убеждает, что, несмотря на жестко лимитированный объем Словаря, его авторский коллектив стремится дополнить сжатую дефиницию заглавной строки, не только документировать, но и иллюстрировать, отчасти представить жанровое многообразие письменных источников, а также, по возможности, отметить региональную отнесенность слова.

Исторический словарь дает абсолютность факта фиксации слова, но относительность его хронологии, ибо подлинная жизнь слова во времени не ограничивается его письменной историей, возможно «выпадение» фиксации слова. В этом аспекте очень важными (и, пожалуй, наиболее сложными) являются сведения о хронологической судьбе слова, т. е. о его «нижней» и «верхней» границах¹. Авторы решают эту проблему корректно — через иллюстративный материал и по-разному в отношении слов разных типов. Так, для однозначных слов (а это около 65% лексики, по подсчетам авторов) в пределах данного периода отмечается наиболее ранняя и наиболее поздняя фиксация слова. Необходимостью дать раннюю фиксацию слова обусловлено использование в словарных статьях последних выпусков имен собственных (личных имен, прозвищ, географических названий, названий-символов для различных предметов), хотя при решении вопроса о лексическом составе Словаря во Введении первоначально отмечалось, что в Словаре не вводятся «собственные имена (личные и географические)» (вып. 1, с. 8). Например, слово *Куренокъ* иллюстрируется примерами XVII в. (Хоз. Мор. 1, 1667 г.; Сказ о куре п лисице, XVIII в. ~ XVII в.). А далее в состав словарной статьи включается фиксация

¹ Этот вопрос неоднократно обсуждался, см. об этом [16—18].

XVI в. со значением прозвища (Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 6, 1588 г.). Если собственное имя является единственным источником сведений о нарицательном слове или его производных, то оно приводится в составе словарной статьи (см. *Клюковникъ*). При иллюстрации производных слов установление «нижней» границы фиксации нарушается, так как при отборе цитат сохраняется та, в составе которой содержится мотивирующее слово или словосочетание: *Бородный*, прил. к *борода*. Нѣпши отѣкоша браду нѣкогого козла, добродородна бо зѣло, и той не стерпѣвъ досады сицевы, самого себе убилъ до смерти... Уразумѣемъ коль честно и любезно есть бородное украшение и безсловесному животну. М. Гр. Посл. Ив. Гр., 84, XVII—XVIII вв. ~ XVI в. (вып. 1, с. 296).

Более сложно (и это постоянно отмечают составители в своих работах) установить «верхнюю» границу слова. Возможно, есть основание дать к словам, сохраняющим без изменения свою внешнюю и внутреннюю форму, пометы, указывающие на активность их функционирования в современном русском языке.

4. СлРЯ XI—XVII вв., безусловно, следует считать основным, базовым, когда речь идет о разработке общеязыковых вопросов (не только лексических) истории русского языка. Об этом свидетельствует та часть лексики, которая является фактом грамматического уровня, — служебные слова. Так, значительное место в словаре занимают слова «синтаксические», которые используются для выражения смысловых отношений в структуре сложного предложения, — союзы, соотносительные слова, частицы и различные наречия, выступающие в союзной функции. Известно, что разработка словарных статей этой части лексики в лексикографических работах всегда вызывает значительные трудности, так как при описании их значений важно выделение комплекса прежде всего синтаксических показателей. Последовательное решение этого вопроса, видимо, является задачей специальных синтаксических словарей. Вместе с тем, учитывая научную значимость словарной характеристики служебных слов для решения теоретических проблем, рассмотрим лишь те их особенности, которые представлены в Словаре и являются фактом лексической системы языка.

На всех этапах исторического развития русского языка отмечается живой и очень активный процесс использования сочетаний слов, приобретающих устойчивый характер, в союзной функции. Состав таких сочетаний ограничен, они воспроизводятся, часто употребляются в памятниках письменности и должны последовательно фиксироваться в историческом словаре. Поэтому при описании слова *абие* (*абье*), видимо, недостаточно определить те общие значения, которые представлены в Словаре. На стыке предикативных единиц с локально-временными отношениями это значение передает с о ч е т а н и е *и ту абие*, которое вычленяет пару ситуативно связанных предложений из окружающего текста и способствует их более тесному объединению. В словарной же статье такое сочетание не отмечено, хотя в иллюстративном материале функционирует именно *и ту абие*. При выделении значения «3. Опять, снова» приведен единственный пример, включающий также не *абие*, а сочетание: *Внезапу же абие...* (вып. 1, с. 18), которое является устойчивым во временных конструкциях, выражая внезапность заключенного в предложении действия.

Фиксация отмеченных особенностей, безусловно, дает возможность Словарю стать источником сведений о направлении последующего развития как самих лексических единиц, так и тех конструкций, в составе которых эти единицы функционируют.

При характеристике союзов в СлРЯ XI—XVII вв. в одних случаях отмечается их соотносительность с компонентами, находящимися в начале постпозитивного «главного» предложения (ср. *когда — тогда, аще когда-то*), в других случаях эта особенность в употреблении союза не выделена (ср. словарную статью о союзах *какъ, како*).

Диахроническое изучение соотносительных слов свидетельствует о том, что существует взаимосвязь коррелята определенного типа с конкретным союзом и условия обязательного местоположения коррелята. Так,

во временных конструкциях *какъ* характеризуется препозицией придаточной части, употребляется обычно с начальными союзами *а, да*. Отличие таких структур от сравнительных состояло в том, что обязательным компонентом сравнительных конструкций становится коррелят (*какъ — такъ, како — тако*), не свойственный сложноподчиненным предложениям с временными отношениями. Эти сведения, думается, имеют прямое отношение к словарной статье, так как они определяют проявление того или иного значения союза в условиях данной языковой ситуации.

5. Составители Словаря проявили бережное отношение к русской традиции в создании исторических словарей. Это выразилось в сохранении тех данных, которыми обогатили историческую лексикографию прежде всего «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, где представлена богатейшая выписка из памятников письменности преимущественно XI—XIV вв. Цитаты, взятые из «Материалов» И. И. Срезневского, даются под *. Но СлРЯ XI—XVII вв. отражает современное развитие исторической лексикологии и источниковедения. Поэтому в Словаре уточняются значения слов, отмеченных в «Материалах», кратко сегментированные цитаты расширяются, во многих случаях появляется отсутствовавшая в «Материалах» И. И. Срезневского (или уточняется) датировка примеров, библиографирование дается, как правило, по лучшему и одновременно доступному современному читателю изданию. Особый интерес представляет дефинирование слов, существующих в Словаре И. И. Срезневского без трактовки (ср. определение значения слова *лайбина* — «озеро, образованное разливом реки (?)» — через сближение его с *ламба, ламбина* «зарастающее мохом небольшое озеро в лесу с топкими берегами» — вып. 8, с. 168).

Сильной стороной анализируемого Словаря является представление в нем материалов памятников поздних списков, восходящих к раннему оригиналу, путем использования приема двойного датирования со знаком гильды (∞). Авторы хорошо понимают определенную условность в решении этого сложного вопроса. Отдавая предпочтение оригинальным памятникам XI—XVII вв., СлРЯ XI—XVII вв. использует и помещает «в числе первых летописные примеры с годом записи, даже выходящим за „нижнюю“ границу Словаря, например, (945): Лавр. лет., (1096): Лавр. лет., хотя и Договор Игоря с греками и Поучение Владимира Мономаха дошли до нас в списке 1377 г.» [16, с. 60]. В числе первых по порядку (но после оригинальных) в СлРЯ XI—XVII вв. приводятся источники, известные в поздних списках, с датой восхождения к раннему оригиналу: Стоглав XVII в. ∞ 1551 г.; Хрон. Г. Амарт. XIII—XIV вв. ∞ XI в. Авторы Словаря, используя такой хронологический порядок цитации, опираются на результаты исследований по исторической лексикологии и опыт исторической лексикографии: «Слова, образованные в позднюю эпоху и не соответствующие эпохе протографа, как правило, редки, однако при изучении могут быть выявлены, ибо может оказаться, что они не анахронизмы, а просто слова, редко употребляемые в эпоху протографа» [19].

6. Как любое продолжающееся многотомное издание СлРЯ XI—XVII вв. совершенствуется от выпуска одного тома к другому. Составители уточняют типы моделей подачи слов различных грамматических классов, тематических и лексико-семантических групп, разрабатывают практику и теорию анализа слова как лексикографической единицы в ее соотносительности с лексикологией, обращаются к типологии и реконструкции как методу исследования и воссоздания истории слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельгардт Р. Р. Наука о русском языке в журнале «Russian Linguistics». — ВЯ 1981, № 3.
2. Исаченко А. — Russian Linguistics, 1976, v. 3, № 1. — Рец. на кн.: СлРЯ XI—XVII в. Вып. 1; Указатель источников. М., 1975.
3. Lunt H. — Language, 1976, v. 52, № 3. — Рец. на кн.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—2; Указатель источников. М., 1975.

4. *Lunt H.*— *Language*, 1979, v. 55, № 4.— Рец. на кн.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 3—4. М., 1976, 1977.
5. *Keenan E.*— *Kritika*, 1978, v. XIV, № 1.— Рец. на кн.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—4. М., 1975—1977.
6. *Klenin E.*— *Slavic and East European Journal*, 1979, v. 23, № 4.— Рец. на кн.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—5. М., 1975—1978.
7. *История русской литературы X—XVII веков.* Под ред. Лихачева Д. С. М., 1980, с. 9.
8. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1, М., 1975, с. 2.
9. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 95 и др.
10. *Сулин П. В.* Изменения в семантике отглагольных существительных с суффиксами *-ни/е/*, *-ени/е/*, *-к/а/* и нулевым (на материале «Словаря русского языка XI—XVII вв.»).— В кн.: *Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка.* Вологда, 1983.
11. *Митрофанова Т. П.* История существительных со значением «осculus» (на материале исторических словарей русского языка).— В кн.: *Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка.* Вологда, 1983.
12. *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук, М., 1983.
13. *Богатова Г. А., Дерягин В. Я., Романова Г. Я.* Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова.— ВЯ, 1982, № 3.
14. *Котков С. И.* Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка.— В кн.: *Восточнославянские языки. Источники для их изучения.* М., 1978, с. 7.
15. *Найда Е.* Анализ значения и составление словаря.— В кн.: *Новое в лингвистике.* Вып. 2. М., 1962, с. 46.
16. *Богатова Г. А.* Соотношение цитаты и словаря.— ВЯ, 1980, № 6.
17. *Гельгардт Р. Р.* Теоретические принципы разработки исторического словаря русского языка.— ВЯ, 1978, № 6.
18. *Творогов О. В.* Текстология и лексикография.— В кн.: *Текстология славянских литератур.* Л., 1973.
19. *Виноградова В. Л.* Картотека древнерусского языка и историко-лексикографическая работа.— В сб.: *Вопросы практической лексикографии.* Л., 1979, с. 45.